

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

Книжная серия
«ТЕОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Серия основана в 2021 году

* * *

Редакционная коллегия серии

д. филос. н. Г. В. Вдовина; к. богосл. свящ. Д. Ю. Лушников;
д. филос. н. Р. В. Светлов;
д. теол., к. филос. н. игум. Серапион (Митько А. Е.);
д. теол. прот. В. Ф. Хулап;
д. филос. н. Д. В. Шмонин; д. филос. н. В. К. Шохин

Монография продолжает серию изданий научной и учебной литературы, осуществляемых Научно-образовательной теологической ассоциацией в рамках межвузовского взаимодействия, направленного на развитие теологии как отрасли знания, теологического образования и изучения религиозных культур народов России.

Издание осуществлено при поддержке
храма Сретения Господня на Гражданском проспекте
(Санкт-Петербург)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
Кафедра богословия
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

А. В. Маркидонов

БОГОСЛОВИЕ И КУЛЬТУРА

Монография

Санкт-Петербург
Издательство СПбДА

2022

УДК 271.2-1+130.2
ББК 86.372.24-4+71
М26

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р22-208-0197

Рекомендовано к публикации
Научным советом Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

Выписка из Протокола № 16 от 02.05.2022 г.

Рецензенты:

Марина Николаевна Цветаева — доктор культурологии, профессор кафедры искусствознания Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения

Игорь Борисович Гаврилов — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии

Маркидонов А. В.

М26 Богословие и культура : монография / Александр Васильевич Маркидонов ; Санкт-Петербургская духовная академия, кафедра богословия ; Научно-образовательная теологическая ассоциация. — СПб.: Изд-во СПбДА, 2022. — 504 с. — (Теология: история и современность).

ISBN 978-5-906627-90-2

В монографии кандидата богословия, доцента кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии Александра Васильевича Маркидонова рассматривается проблематика византийских и русских культурно-исторических реалий, в своем собственном содержании так или иначе соотносенных с традицией богословской мысли и с характером религиозного сознания.

Смысло-положение философии, художественно-эстетического творчества, культуры школы и склада политического сознания опознается и исследуется в свете православного богословия. Именно в рамках богословия явления культуры, даже если их зависимость от него перестает быть наглядной, тем не менее определяют себя — либо как нетривиально расположенные к богословию и ему созвучные, либо с ним разноречащие.

В основу книги положены работы автора, ранее опубликованные в виде статей.

Монография рекомендуется преподавателям и студентам духовных учебных заведений, теологических факультетов светских вузов, а также всем интересующимся проблематикой взаимоотношения богословия и культуры.

УДК 271.2-1+130.2
ББК 86.372.24-4+71

ISBN 978-5-906627-90-2

© А. В. Маркидонов, 2022
© Издательство Санкт-Петербургской
Духовной Академии, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вместо предисловия: вводящие замечания к вопросу о соотношении культа и культуры</i>	9
Христианские начала византийской культуры.....	15
«Нешвенный хитон» православного богословия	28
Вера — разум — естество: о некоторых особенностях святоотеческого сознания.....	44
Тайна человека: митрополит Антоний Сурожский и некоторые особенности святоотеческой антропологии	68
Неоплатонизм и христианство: сближения и размежевания.....	86
Слово в христианской традиции	100
Историческое и апофатическое в иконе: о некоторых богословских предпосылках к осмыслению «Святой Троицы» преподобного Андрея Рублева	106
О духовной природе эстетического начала	123
«Красота в деснице Твоей в конец» (Пс 15:11): по поводу одной византийской параллели к роману Ф. М. Достоевского «Идиот»	161
К. Н. Леонтьев и Ф. М. Достоевский: «цветущая сложность» разноречия	193
Умозрение о красоте: у истоков русской духовной культуры	207
Образ власти и власть образа: из наблюдений над эпохой византийского иконоборчества	226
«Сила» и «правда»: экзистенциал власти в восточно-христианской традиции.....	238

Космос и история: из наблюдений над текстом Послания старца Филофея	292
Школа и богословие в истории и структуре византийской культуры: предварительные замечания.....	301
Культура школы в горизонте веросознания: по поводу миссии святых Кирилла и Мефодия.....	319
К вопросу о характере древнерусской духовной культуры	335
О некоторых мотивах древнерусского богословия в Толковой Палее.....	368
О теологизации грамматического знания в русской книжности XVII века (на примере московского издания «Грамматики» Мелетия Смотрицкого 1648 г.).....	382
Русская культура между Ренессансом и барокко: по поводу одного сочинения Симеона Полоцкого	415
<i>Послесловие: об исходных парадигмах культуры.....</i>	<i>464</i>
<i>Список литературы.....</i>	<i>474</i>

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КУЛЬТА И КУЛЬТУРЫ

Обыкновенно в нашем христианском отношении к художественной культуре возникают (и надо бы заметить — должны возникать!) две трудности, две потенциально присутствующие в самом нашем восприятии культурной реальности крайности. В одном — крайнем — случае представляется единственно религиозно-оправданным отказаться от культуры, раз уже есть культ, а в нем — реальное и исчерпывающее осуществление общения человека с Богом (точнее — Бога с человеком), а значит — спасения в жизнь вечную.

В другом — крайнем — случае культура мыслится и переживается как некая *эманация* культа, его ино-бытие, его экстенсивное распространение, и тогда — по отношению к культу — речь идет не об иной *природе* творческого события в культуре, а всего лишь об ином тоне, ином модусе того же самого — одного и того же — события Богообщения.

В первом случае культура осознается и расценивается как радикальное отпадение от культа, — с ним разделение; во втором случае она оказывается реальностью, по существу от культа неотличимой, его как бы продолжающей, а на определенном этапе истории и самосознания его и подменяющей.

В случае радикального разобщения культа и культуры психологически (а потом и исторически) оправданным представляется от культуры отказаться, ибо *достаточно* культа, все остальное — «от лукавого».

В случае столь же радикального *неразличения* культа и культуры актуализируется естественная в этом случае склонность

удовлетвориться одной культурой, ее тем самым сакрализировать, возвести в культ.

В первом случае игнорируется тот факт, что культ, Таинство — так же, как и культура — в его человеческом восприятии есть известное духовно-значимое *движение* — событие возрастания, границы которого *заданы* Традицией, но само оно — как возрастание именно — не обеспечено магически (юридически или психологически); или, выражаясь иначе, Таинство есть именно *событие*, действительность которого дана, а действенность лишь намечена и осуществляется синергически, т.е. как реальность Бого-человеческая, и уже тем самым нешуточно открытая к истории и культуре, осуществляющаяся в самой истории, хотя и выше-естественно.

Во втором случае игнорируется то важное обстоятельство, что эта «всамделишная» открытость, если угодно — *заинтересованность* (от *inter-esse*) Таинства нашего спасения в культуре, совсем не означает их (Таинства и культуры) однородности. Культ, пребывая и осуществляя себя в пространстве истории и культуры, будучи к ним открыт сотериологически (в ожидании обращения и спасения многих), в этой самой открытости принципиально отличен от них онтологически, по природе того общего всем события спасения, которое, однако, именно и только в культе имеет свой единственный Божественный источник.

Между двумя названными крайностями — разделения или неразличения культа и культуры — тесный, но поистине *царский* путь, во-первых, аскетического, а уже во-вторых, и эстетически значимого *различения*.

В культе единственный источник, основание, кроме которого (по апостолу Павлу) невозможно положить другого, «которое есть Иисус Христос» (1 Кор 3:11); в культуре более или менее, или совсем не-сообразное этому основанию (Основанию!) *движение*, событие возрастания (или в себе коснеющего расточения) человека в ответ на Откровение Бога — на Боговоплощение. Но именно потому, что и в пространстве культуры совершаются судьбы нашего спасения, это пространство

приобретает всю ту (и всё ту же) напряженность и ответственность *различения*. В этом пространстве все в движении; если угодно, оно само есть это движение, возрастание в полноту, во Христе и Церкви открывшейся *царственности* бытия.

Но изнутри себя самого — самим собою — движение культуры или культура как некое целокупно (нравственно, эстетически и религиозно) устрояемое движение сущего принципиально *не обоснована*: ведь обоснование, подлинное начало всякого творчества — в самом Творце. Правда, человеческая культура (как и судьбы нашего спасения) столь неоднозначна, столь подвижна — и в этой своей подвижности обращается до превратности, — что и самая эта необоснованность, самый даже разрыв с какою бы то ни было метафизикой и онтологией вообще может оказаться для культурно-эстетического сознания *способом* самоосуществления. В этом, в такого рода возможности некоторым художественным образом оформлять не-бытие, в этой продуктивности меонического в культуре — как ее страшный потенциал, так и огромная опасность. Иначе говоря, и потенциал, и опасность культурного творчества в том, что оно — будь то слово или музыка — всегда больше, чем оно само: всегда существенно отнесено к Первоисточнику бытия.

В древности (в том числе и собственно-христианской древности) эта соотнесенность Первоисточнику по-разному, но одинаково принципиально носила исходный для человеческого творчества характер; эта соотнесенность целокупности бытия изначально конституировала, пред-оформляла человеческое творчество. Очень важно в данном случае представить себе, насколько возможно четко, различие между тем, как (в Новое время) соотнесенность Целому (большему и высшему) может входить в художественное произведение, например, на правах его ведущей темы или телеологически значимого образа, и тем, как такая соотнесенность Целому именно конституирует, (исзначально, как бы еще до-эстетически) ориентирует самый творческий процесс. В последнем случае по существу своему религиозное благоговение

перед жизнью, уважение к Целому вовсе не предопределяет собой тематики произведения, не связывает эстетической воли художника, а напротив, ее освобождает и оформляет — так или иначе — внутри этой свободы, которая всегда, будучи подлинной, а значит, онтологически действенной, совпадает с ответственностью. Но это — ответственность художественного созерцания, спонтанность, или, лучше сказать, высшая энтелехия которого выверена не извне (не идеологически, не морально-юридически), а изнутри его самого, в некоторой первичной, благодарной, а потому трезвенно-зрячей расположенности человека к бытию и в самом бытии.

Античное искусство было выверяемо исходной для него соотнесенностью с космическим универсумом, в порядке которого начала человеческой феории и истории имели свое место и свою меру. Это «место» и эта «мера» проживались религиозно, усматривались созерцательно-философски, оформлялись политически, воспринимались музыкально и т. д., именно как часть — органически или драматически, — но соотнесенная с Целым. Космизм (т.е. эстетически завершенная организованность) так осознанного и так переживаемого бытия проявляется в таких очевидных соответствиях, как соответствие — например, в музыке — математического и философского содержания. «Техническое» и «органическое» (измышляемое нарочито или расположенное к применению и божественно предустановленное) содержание числа, в данном случае, еще не противостоят друг другу, а их исконное взаимосоответствие, их актуальное единство как раз и сказываются в музыке, и как музыка. Именно поэтому с наступлением «школьной» эпохи музыка квалифицируется в числе наук математических, а математика мыслится в качестве необходимого предварения к философии.

Христианство обнаружило в человеке несоизмеримо большую глубину, нежели это дано было эллинам: если для последних ключевое значение сохраняет реальность космически заданной *меры* (а значит, естественно-созерцаемой и осуществляемой *соразмерности*), то в горизонте Откровения в полную

силу заявляет о себе достоинство человеческой свободы, а с нею и возможность, и риск. Возможность обрести достоинство, которое (по слову св. Григория Нисского) *выше человеческой природы*, и риск утратить всякое достоинство («оставить свое жилище», как говорится о падших ангелах в послании св. апостола Иуды, стих 6), выпасть из какой бы то ни было согласованности с целокупностью творения и премудростью Творца.

Вместе с большей — несоизмеримо, чем когда и где-либо большей — глубиной Откровения о человеке и судьбах его спасения христианство и в человеческое творчество привносит большую напряженность и динамику, не только задавая ему новое задание, но и переиначивая его *этос* — его духовную осанку. Во-первых, в творении мира, во-вторых, в Своем вочеловечении Бог христианского Откровения не оставляет человеку никакой возможности в чем бы то ни было удовольствоваться одним только человеческим, остаться при себе. Одно только человеческое в истории спасения уже и *слишком* человеческое, опрометчиво покинутое на себя самое.

Всякое человеческое творчество, дабы осуществиться в вечности, сообразоваться логосу Промысла Божия, призвано аскетически выверить свою естественную стихию, возделать ее в согласии (и в согласие) с человечеством Христа Спасителя, как оно себя осуществляет в полноте Евангельской истории, в ипостасном единстве с Богом-Словом. «Сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе...» (Флп 2:5); ничто в опыте христианской жизни не должно быть изъято из соотнесенности, не может остаться чуждым этому призыву апостола Павла.

Критерий художественной аскезы тот же, что и христианской аскезы вообще (поверх и до всякой еще конкретно-эстетической оформленности), это — смирение, благоговение, благодарение, соизмеренные или сами по себе экзистенциально окрашивающие искомую соизмеренность творчества, но уже не безликому божеству Космоса (пусть и ноуменального), а соизмеренность Богу любви, ставшему человеком, чтобы мы обожились.

Вот почему искусство — творческое событие художественного произведения — начинается раньше, чем оно начинается как искусство; оно начинается в глубине нашего человеческого духовно-телесного устройства как жизнь, и мы вправе ожидать и требовать от него подлинной жизненной оправданности, выверяя ее не идеологически, не социологически, не схоластико-догматически (да это было бы и невозможно!), но труднее и строже — экзистенциально-эстетически.

Что-то подобное имел в виду о. Серафим Роуз, когда говорил о «вкусе Православия», никак еще не сводимого к — и не выводимого из — наличию сакрально-канонической безупречности и догматической точности: ведь то и другое уже выявляет и осуществляет Православие как *жизнь* во Христе, но не продублирует его задним числом.

Таким образом, в данном случае мы — в области духовной свободы, ответственность которой тем строже и необратимей, чем менее нормативно ее, этой творческой свободы, обнаружение и осуществление.

Каноничность церковного искусства, в этом отношении, оформляет акт творчества как торжество благодарной самоотдачи, в котором свобода совпадает со служением, сама при этом освобождаясь от онтологически — и эсхатологически! (Откр 22:10–12) — бесплодных колебаний гномической («выбирающей») воли.

Конец ознакомительного фрагмента